

АФГАНИСТАН В 2014 Г. И ПОСЛЕ: ПРОСТРАНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИЛИ НАВИСШАЯ ОПАСНОСТЬ

Будущее Афганистана и Центральной Азии может стать одной из серьезных проблем для международного сообщества после вывода войск НАТО в 2014 г. Эта проблема связана не только с объективными внутренними проблемами Афганистана, но и с различными интересами глобальных и региональных игроков, присутствующих в регионе.

Как будет развиваться ситуация в Афганистане в 2014 г. и после? Способно ли афганское общество к самостоятельному управлению страной? Будет ли эффективна борьба с незаконным оборотом наркотиков в Афганистане? Какова роль внешних игроков в афганском урегулировании и развитии страны? Почему не развивается сотрудничество между ОДКБ и НАТО? Какова будущая роль НАТО в Афганистане и как она видит сотрудничество с Россией?

В расширенном заседании Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра — международном семинаре «Как должно строиться сотрудничество между Россией и НАТО по Афганистану в 2014 г. и после?» приняли участие: специальный представитель Президента Российской Федерации по делам ШОС Кирилл **Барский**, старший вице-президент ПИР-Центра Евгений **Бужинский**, специальный представитель России при ОДКБ Виктор **Васильев**, заместитель начальника главного управления международного военного сотрудничества министерства обороны России Дмитрий **Запорожец**, директор Центра по изучению конфликтов и мира Хекмат **Карзай**, старший научный сотрудник ПИР-Центра Вадим **Козюлин**, президент ПИР-Центра Владимир **Орлов**, руководитель Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН Татьяна **Пархалина**, директор Информационного бюро НАТО в Москве Роберт **Пшель**, руководитель Центра Азии и Ближнего Востока Российского института стратегических исследований Елена **Супонина**, глава отдела Афганистана Управления НАТО по операциям Николас **Уильямс**, глава представительства Европейского союза в Российской Федерации, бывший специальный представитель Европейского союза и глава представительства ЕС в Афганистане Вигаудас **Ушацкас**, и.о. начальника отдела Афганистана Второго департамента Азии МИД России Альберт **Хорев**.

ОРЛОВ: Мы неоднократно слышали о том, что война не является решением проблем в Афганистане, что посредством политических переговоров возможно обеспечение мира и спокойствия в этой стране. Вероятно, Афганистан для НАТО и России — это одно из немногих полей, где остаются возможности для реального видимого конструктивного сотрудничества. Мне представляется, что упустить эти возможности было бы непростительно.

НАТО В АФГАНИСТАНЕ ПОСЛЕ 2014 г. И РОССИЯ

ПШЕЛЬ: В НАТО считают, что для наших российских друзей будущее Афганистана, безопасность, как в Афганистане, так и в регионе, также является приоритетом. Это одна из тех сфер, в которых НАТО и Россия должны эффективно сотрудничать.

Но есть два подхода, которых нужно избежать. Первый — это тотальная критика НАТО в том, что организация ничего не добилась, совершила только ошибки, — с этим связана очень пессимистическая оценка того, что может произойти в Афганистане. Конечно, любая точка зрения имеет право на существование, однако, если посмотреть на статистику, только 15% жителей Афганистана поддерживают талибов, вследствие чего мы считаем, что тотальный пессимизм в отношении Афганистана не основан на реальных фактах.

С другой стороны, бывают суждения о том, что задачи уже расписаны по ролям, есть НАТО, есть другие организации, поэтому, если идет такая критика, — ладно, услышали и забыли. Для нас как для НАТО взгляды России очень важны. И здесь играет роль не фактор политической корректности, а лишь вопрос общих интересов, связанных с безопасностью в Афганистане. И конечно то, что сегодня удалось собрать в этом зале большое количество представителей всех стран, которые участвуют в мероприятиях, это военные и другие ключевые для Афганистана фигуры. Но здесь же находятся представители как самого Афганистана, так и стран-соседей — без их участия, на мой взгляд, дискуссия не была бы полноценной.

Нам надо обратить внимание на все аспекты этого сотрудничества и очень серьезно, в дружественной атмосфере обсудить все возникающие сложные вопросы.

УИЛЬЯМС: Мой афганский опыт показывает, что нельзя полагаться на наихудший сценарий для Афганистана. Если вы вспомните, что ежегодно предсказывали Афганистану — крах, провал и успех повстанцев. На самом деле из года в год положение в области безопасности улучшается, расширяются возможности правительства, улучшается социальное положение населения.

Тем не менее существенные проблемы в Афганистане сохраняются. 2014 г. для НАТО — это окончание миссии ИСАФ, но это не конец международного участия или участия НАТО в делах Афганистана. Там будут сохраняться реальные проблемы, которыми международному сообществу необходимо заниматься. Подпольные движения не завершат свою деятельность в 2014 г., когда ИСАФ свернет свою миссию. Повстанцы подпитываются элементами из соседних стран. Но эта проблема не создает реальную угрозу для афганского народа и, тем более, не находит реальной поддержки среди афганцев. Наиболее надежные оценки показывают, что Талибан и другие подпольные группировки, даже в самых проблемных регионах, на юге и местами на востоке, не находят поддержки более 15% населения.

Да, ожидаются реальные проблемы в правительстве. Афганское правительство, хотя и сделало большие успехи в течение последних десяти лет, до сих пор ограничено в своих возможностях. Соблюдение прав человека также остается проблемой в Афганистане. Роль и отношение к женщинам по-прежнему вызывают серьезную озабоченность международного сообщества. Так что еще существуют значительные проблемы, которые предстоит решить после 2014 г., и мы в НАТО, конечно, не свели их к минимуму. Но одновременно мы считаем, что существует прочная основа для продолжения усилий по стабилизации и улучшения ситуации в Афганистане. И мы в НАТО считаем, что необходимо оказывать дальнейшую поддержку Афганистану после 2014 г. не только с точки зрения безопасности, но и в более широком смысле.

Основной посыл конференции по Афганистану два года назад был в том, что главная задача международного сообщества и НАТО последних десяти лет — строи-

тельство афганских сил безопасности — должна быть достигнута. Также было признано, что Афганистан будет по-прежнему нуждаться в определенной форме содействия безопасности после 2014 г. Еще можно упомянуть Токийскую конференцию, на которой была изложена более широкая приверженность международному развитию в Афганистане. Токио неявно предполагало, что после десятилетия трансформации и значительного международного финансирования Афганистана успехом будет считаться, если Афганистан предстанет страной не лучшей, чем Бангладеш или любая другая бедная страна мира. Другими словами, Афганистану требуется еще десять лет международной поддержки, чтобы стать нормальным развивающимся государством.

И третий элемент, который, как мы думаем, является необходимым и заменяющим обязательства НАТО — после 2014 г. НАТО будет менее заметной и менее значительна в усилиях международного сообщества, в большей степени направленных на гражданское общество, обучение небоевых миссий, консультирование и оказание помощи афганским силам безопасности. Они по-прежнему будут нуждаться в некотором потенциале, как мы это называем. Мы также продолжим финансировать афганскую национальную армию на уровне, необходимом для сдерживания и противодействия повстанцам. Целью является формирование 352 тыс. военнослужащих до 2017–2018 гг. Афганистан выделит на это 500 млн долларов, остальные члены международного сообщества, в частности США, обязались предоставлять до 4 млрд долларов в год в течение нескольких следующих лет. Необходимые механизмы для этого созданы. Мы также будем работать над предложениями по углублению так называемого долгосрочного партнерства НАТО и Афганистана после 2014 г.

Я думаю, что мы можем бесконечно обсуждать, насколько хороши будут афганские национальные силы безопасности в конце 2014 г. Мы считаем, что они будут достаточно хороши для задачи, которая перед ними стоит, хотя они по-прежнему нуждаются в помощи. Мы можем бесконечно обсуждать необходимость улучшения работы правительства и снижения коррупции. Но я согласен, что мы стоим перед ключевым моментом в истории Афганистана. И этот ключевой момент не связан с международным сообществом, НАТО, Россией, ООН или какой-либо другой внешней стратегией. Ключевой момент, с которым мы сталкиваемся, — это решения, принятые правительством Афганистана. И есть лишь одна вещь, которая может поставить под угрозу все, с чем мы пришли к 2014 г., — то, что я бы назвал недоразумением и просчетом самого афганского правительства.

Поскольку все эти ключевые решения уже были сделаны, проблемы на Ближнем Востоке и проблемы безопасности в наших странах изменили относительную важность Афганистана в международных делах. Разумеется, обязательства НАТО, сделанные в Чикаго и Токио, никто не дезавуирует. Но проблема в том, что некоторые обязательства в отношении Афганистана могут показаться не срочными, и только активность самого правительства Афганистана может помочь принимать решения о помощи своевременно, в том случае, когда это будет необходимо.

И вторая точка возможных просчетов и непонимания. Мы официально решили осуществить переход ответственности за безопасность обратно к афганским силам безопасности на нашей встрече в верхах в 2010 г. Мы договорились с президентом Карзаем и предложили программу, которая завершится в конце 2014 г. Если мы хотим определить форму присутствия НАТО после 2014 г., у нас заканчивается время, чтобы спланировать это, чтобы получить согласие национального парламента, чтобы грамотно организовать свое присутствие начиная с 2015 г. Понятие времени и планирования не совсем понятно нашим коллегам в Афганистане.

И третье направление возможных недоразумений и просчетов — это то, что я бы назвал взаимопомощью. В Лиссабоне, в Токио, в Чикаго правительство Афганиста-

на приняло на себя многочисленные обязательства по улучшению работы правительства, о сокращении коррупции и улучшении прав человека. Да, мы все знаем, потенциал афганского правительства ограничен, но он растет, и оно уже добилось прогресса. Да, за последние десять лет мы значительно сократили наши ожидания, но если обязательства будут полностью выполняться, это станет реальным признаком того, что успех правительства не зависит от щедрой помощи, которая была предоставлена международным сообществом.

ЗАПОРОЖЕЦ: Ситуация в Афганистане остается нестабильной и, по оценкам министерства обороны РФ, несмотря на численность национальной армии, ее боеготовность остается низкой, высок процент дезертирства: только за 3 последних года общее количество дезертиров составило порядка 60 тыс.

Данная категория, получившая военную подготовку, без сомнения, пополняет ряды боевиков. Решение о выводе из страны Международных сил содействия безопасности активизировало деятельность террористов. Безусловно, для нас тревожным фактором остается наращивание группировки вооруженной оппозиции в северных провинциях Афганистана, которые граничат с нашими союзниками по ОДКБ. Большая часть границы, например, с Таджикистаном, сегодня с афганской стороны практически не контролируется, поэтому нами предпринимаются меры по повышению боеспособности вооруженных сил наших союзников из Центральной Азии. Как нам представляется, без внешней поддержки ситуация в Афганистане после 2014 г. будет деградировать — страна может вновь попасть под власть экстремистов. В этих условиях необходимы комплексный совместный анализ ситуации и подготовка интегрированного плана действий по стабилизации Афганистана, по нашим оценкам, на 5–10 лет. Как нам кажется, в эту работу необходимо привлечь более широкий спектр региональных партнеров и прежде всего ОДКБ — эта организация обладает хорошим потенциалом и набором идей по согласованным действиям на афганском направлении.

Взаимодействие по Афганистану остается одним из приоритетов работы Совета Россия–НАТО по военным линиям, и министерство обороны РФ придает этому направлению важное значение. Так, одним из практических шагов на 2014 г. министром обороны РФ на заседании Совета Россия–НАТО на уровне министров обороны в России предложено создать Международный центр разминирования — этот вопрос в настоящее время находится в стадии проработки. По нашему мнению, этот центр мог бы заниматься подготовкой не только афганских, но и любых других специалистов и формированием подразделений оперативного обезвреживания всех типов мин. Кроме того, мы продолжаем работу в рамках реализации проектов ОБСЕ по оказанию помощи приграничным с Афганистаном государствам в ликвидации избыточного не пригодного для применения оружия и боеприпасов, усилению контроля за имеющимися вооружениями, тренингу персонала, обеспечивающего сохранность стрелкового оружия и боеприпасов к нему.

В рамках подготовки и переподготовки военнослужащих специалистов антинаркотических и полицейских структур в учебных заведениях Минобороны России и МВД России обучаются военнослужащие Афганистана: в вузах минобороны непосредственно обучается 39 человек, рассмотрена положительно заявка на обучение в 2014 г. 62 военнослужащих. Кроме этого в настоящее время минобороны России рассматривает возможность организации дополнительной заявки афганской стороны на поставку афганским силам охраны правопорядка стрелкового оружия и боеприпасов.

ПАРХАЛИНА: Россия не заинтересована ни в победе НАТО в Афганистане, имея в виду наш опыт, так сказать афганский синдром, ни в поражении, конечно же, поскольку то, что происходит в Афганистане, затрагивает интересы национальной безопасности России, и я хочу напомнить, что даже в период Кавказкой войны

Россия и НАТО не прерывали сотрудничество по Афганистану — уникальная была ситуация, давайте не будем об этом забывать.

Среди достижений миссии международных сил в Афганистане я бы назвала два, о которых не говорилось. Первое — это то, что Китай уже пришел и дальше хочет инвестировать в Афганистан. Причем, как вам известно, после смены элит в Китае представители Си Цзиньпина поехали в Кабул и озвучили цифру — они хотят инвестировать около 1 трлн долл. в Китай.

И второе достижение, на мой взгляд, — это положение женщины. Будучи женщиной, я всегда обращаю на это внимание и приведу один пример: если женщина-генерал возглавляет Комитет по обороне парламента Афганистана, это уже говорит об изменениях ситуации. А если говорить о негативных моментах, то к тем печальным развитиям, о которых здесь говорилось, мне хотелось бы добавить следующее: есть уже замеры, согласно которым сейчас из национальной армии в войсковые объединения Талибана и бандитских формирований дезертирует где-то 6–7 человек из 10, после 2014 г. будет дезертировать 9 из 10, — это катастрофическая ситуация. Катастрофическая ситуация складывается и вокруг роста пиратских актов и роста наркотрафика в Афганистане и далее в Россию и в Европу.

20 лет я занимаюсь отношениями Россия–НАТО, и мне представляется, что на сегодняшний день есть два трека, сотрудничество по которым не вызывает у меня никаких опасений: это Афганистан и борьба с пиратством. Эти два трека не окрашены никакой идеологией, есть понимание того, что обе стороны должны вкладывать в проблемы безопасности общие усилия, поэтому, конечно, сотрудничество будет продолжаться. Понятно, что уже есть *дорожные карты*.

Мне представляется, что и Россия, и НАТО должны способствовать реструктуризации экономики Афганистана после 2014 г. — без этого ни о каких судьбоносных решениях мы говорить не можем. Иначе говоря, они не должны ограничиваться только сотрудничеством по обратному транзиту или по реструктуризации вооруженных сил страны. И второе, вне всякого сомнения, необходимо сотрудничество России и НАТО по сокращению наркотрафика. Это очень сложный вопрос, очень чувствительный для НАТО, я знаю, что представители Альянса неоднократно заявляли о том, что это не их зона ответственности, что это не является частью миссии. Но сейчас сложилось такое положение, когда существует угроза безопасности стран Альянса, поэтому я считаю, что необходимо продуманное и очень тесное эффективное сотрудничество в этом направлении.

АФГАНИСТАН В 2014 г. И ПОСЛЕ

КОЗЮЛИН: С одной стороны, по Афганистану мы сегодня имеем огромное количество информации и множество разнообразных мнений. Есть информация позитивная. Я читаю буклет НАТО: «Афганская национальная армия и полиция практически выполнили план по подготовке численного состава», — но этот буклет был подготовлен в мае 2012 г., то есть задача была решена еще год назад.

Мы знаем, что в Афганистане развиваются инфраструктурные проекты: строятся дороги, коммуникации, линии электропередач. В Афганистане 20 тыс. абонентов сотовой связи, широкая сеть Интернета. Целое поколение афганцев закончило школу, и сегодня есть люди со средним образованием, которые начали учиться в первом классе в афганских школах и в этом году закончили среднюю школу. То есть существует уже поколение афганцев с новым мышлением (как бы сказали в период перестройки).

С другой стороны, мы знаем, что в Афганистане практически отсутствует банковская система (по тем сообщениям, которые доходят), экономика в плачевном

состоянии — мы слышим о большой коррупции, наркотрафике и т.д. Что из этого правда и где та золотая середина, на которую нам нужно ориентироваться? Имеющаяся информация во многом не дает верных ориентиров. Сегодня у нас есть замечательная возможность услышать об этом из уст людей, которые занимаются Афганистаном по долгу службы, живут в этой стране, знают ее историю, и, надеюсь, сегодня поделятся этой информацией с нами.

ХОРЕВ: Последнее время мы слышим, в основном от наших западных коллег, в различных форматах слова и статистику в подкрепление достижений, которые достиг Афганистан за последние 10 лет. В частности говорится о значительном прогрессе в сфере медицинского обеспечения, образования, роста ВВП на душу населения и т.д. Нас немного тревожит, что все-таки идет явный перекося в сторону этих достижений, а оставшиеся проблемы упоминаются вскользь. Например, как-то умалчивается, что Афганистан имеет один из самых высоких показателей в мире по уровню безграмотности, который составляет более 1/3 населения.

Как-то опускается, что около 36% от общего числа населения живет за чертой бедности, растет безработица — в крупных городах это чувствуется особенно сильно. Например, в Кабуле она достигает 70%. Мы склонны думать, что идет самоуспокоение, и это обусловлено тем, что НАТО приняло решение о сокращении своего военного присутствия, о его переформатировании после 2014 г. И по последним форумам создается впечатление, что западные партнеры, в частности НАТО, по большому счету уверены, что свою основную работу в Афганистане они сделаны, считая афганскую кампанию *прочитанной страницей*.

Мы не разделяем эти подходы, особенно нас тревожит развитие текущей ситуации в Афганистане. Согласно докладу МООНС, уровень насилия в Афганистане в 2013 г. вырос в 3 раза по сравнению с 2012 г. В последние недели и месяцы отмечается самый широкий географический диапазон действия экстремистов и столкновения с ними афганских и международных сил безопасности. Начиная с востока через юго-восток на юг, юго-запад и запад, вплоть до северо-запада и северных районов страны, боевики вооруженной оппозиции, воспользовавшись процессом постепенного сворачивания иностранных военных присутствий, передачи всей ответственности за безопасность афганским силам, распространили свой контроль на значительную часть страны. Росту влияния боевиков способствуют и увеличившийся в этом году на 50% объем наркопроизводства, что автоматически означает потенциальный рост финансовых поступлений на цели террористических группировок. Боевики продолжают минно-взрывные акции, атаки смертников против афганских и иностранных военнослужащих. Кроме того, активно используется тактика покушений на высокие должностные лица.

Показательно, что с 2012 г. боевики перестали уклоняться от открытых боевых столкновений с афганскими силами безопасности. Как следствие, отмечается резкий рост жертв среди афганских национальных сил национальной безопасности. По данным руководства министерства обороны Афганистана, в последнее время потери афганских военнослужащих составляют до 200 убитых военнослужащих в месяц, при этом до 300 еще получают ранения. Как следствие, в афганских силовых структурах наблюдается падения боевого духа, повышение уровня дезертирства, — по некоторым оценкам, до 5–6 тысяч человек в месяц.

Особенно нас тревожит положение на северо-востоке Афганистана, в провинциях Бадахшан, Тахар и Кундуз, где сейчас сосредоточены большие силы экстремистов, в частности боевиков движения талибов, исламского движения Узбекистана и ряда других. Общее количество боевиков различных группировок на севере Афганистана, по нашим оценкам, приближается к 10 тыс. военнослужащих, и это нас очень

тревожит, поскольку при определенных условиях эти силы способны взорвать стабильность в прилегающих районах Центрально-Азиатских стран.

Как нам кажется, все вышесказанное необходимо учитывать руководству НАТО при разработке параметров новой миссии, которая, на наш взгляд, должна получить одобрение СБ ООН, считаем также необходимым учитывать позицию Кабула в отношении будущего мандата ООН в Афганистане после 2014 г. Как известно, афганцы считают, что времена международного менторства безвозвратно ушли в прошлое и Кабулу нужен не поводырь, а партнер.

Что касается талибов и программы примирения с ними, мы убеждены в том, что лидирующую позицию в этом процессе должен занять Кабул, официальная афганская власть, и уполномоченный ими на это специальный орган — Высший совет мира, при этом должны соблюдаться три известных условия национального примирения.

Ряд экспертов высказывают мнение, что часть руководства талибов свыкается с идеей политического компромисса, однако исключительно на своих условиях. Эти условия в той или иной степени можно свести к следующим: вывод всех иностранных войск и контингент с территории Афганистана, освобождение всех заключенных талибов, особенно содержащихся в американской тюрьме в Гуантанамо, а также исключение всех талибских фигурантов из синхронного списка СБ ООН.

Что касается текста самого соглашения, у нас возникает ряд вопросов, например, о его сроках. Оно вступает в силу с 1 января 2015 г. и будет действовать до 2024 г. и после этого периода, т.е. это можно трактовать как, по сути, бессрочное пребывание иностранных войск, если какая-либо сторона не уведомит другую в письменном виде за 2 года до его прекращения. Мы отмечаем среди плюсов соглашения, что США берут на себя обязательства не нападать на третьи страны с территории Афганистана, а также не использовать территорию ИРА для размещения оружия массового уничтожения.

КАРЗАЙ: Я хотел бы сказать о трех важных изменениях, с которыми сталкивается Афганистан. Это изменения в сфере безопасности, политические изменения и экономические изменения. По моему мнению, если мы успешно справимся с ними, мы избежим худших вариантов развития нашего будущего.

Изменения в сфере безопасности Афганистана предоставят международному сообществу возможность покинуть Афганистан. 18 июня 2013 г. Афганистан взял полную ответственность за свою безопасность. Но силы безопасности Афганистана все еще имеют серьезные проблемы, и помочь в их решении нам может не только НАТО, но и все международное сообщество. Во-первых, нам все еще нужна поддержка с формированием и обучением военно-воздушных сил. Нам все еще нужна поддержка в сфере логистики. Нам все еще нужна помощь в сфере медицинской эвакуации.

Одна из основных проблем заключается в том, что потери Афганских сил национальной безопасности стали невероятно высоки. Причиной высокой смертности являются самодельные взрывные устройства, и мы нуждаемся в значительной помощи, чтобы двигаться вперед и развивать свои силы безопасности, чтобы они были способны устранять угрозы, с которыми мы сталкиваемся.

Теперь позвольте мне осветить вопрос политических изменений. В них важны две вещи. Во-первых, это выборы. Во-вторых, *примирение*. Чтобы продвинуть политический процесс вперед, Афганистан должен проводить прозрачные выборы, свободные от любого международного вмешательства. Но самое главное, ключевое послание, которое мы должны дать молодежи и женщинам Афганистана заключается в том, что они должны голосовать или позволить кому-то другому выбирать за них. Лучше конечно, чтобы они сами выбирали, как и кто будет управлять страной.

Большинство афганцев скажет вам, что военные — это не решение конфликта в Афганистане. И это не вопрос, а очевидность для афганцев. Но, к сожалению, когда дело доходит до политического процесса, мы сталкиваемся с четырьмя проблемами (которые необходимо решить, чтобы достичь мира).

Во-первых, правительство Афганистана и международное сообщество должны развивать стратегическое видение, если дело доходит до политического урегулирования. Но так как у нас нет такого видения, большинство международных партнеров думают, что дотянуться до талибов достаточно легко.

Во-вторых, проблема состоит в том, что Пакистан должен взять на себя активную роль в мирном процессе в Афганистане. К сожалению, всякий раз, когда выстраиваются конструктивные каналы, Пакистан отказывается их принимать.

Третья проблема заключается в том, что Соединенные Штаты должны говорить единым голосом, когда речь заходит о примирении. Министерство обороны США продолжает думать, что оно способно подавить повстанческое движение военным путем. В то время как государственный департамент видит политическую возможность контактов с повстанцами. Мы должны быть уверены, что США говорят одним голосом, что отдельные ведомства не в состоянии справиться со своими задачами в одиночку.

В-четвертых, есть еще несколько боевиков *Талибана*, которые считают, если мятеж продолжится, если международная коалиция уйдет, значит, они придут к власти. Этого не произойдет: Афганистан, который мы сейчас видим, — это не тот Афганистан, что был в 1990-х гг. Нынешнее поколение афганцев на 67% состоит из молодых людей в возрасте до 25 лет, которые нельзя контролировать драконовскими мерами.

Я считаю, что в дополнение к двум изменениям, упомянутым выше нам необходимо переключить внимание на изменения в экономике. Я вижу четыре проблемы, в решении которых может крыться успешная основа экономической стратегии Афганистана.

Во-первых, география Афганистана всегда была его активом. Я думаю, что этот актив — одно из наших величайших преимуществ. Превращение Афганистана в центр нашего региона может обеспечить рост торговли с Центральной Азией, Южной Азией и Ближним Востоком, особенно с учетом ресурсов, доступных не только в Центральной Азии, но и в Афганистане.

Во-вторых, и это я считаю нашим величайшим активом, Афганистан — одна из самых молодых государств не только в регионе, но и в мире. Если получить хорошее образование, особенно в технических областях машиностроения, это позволит нам разрабатывать наши месторождения собственными силами, без помощи извне.

В-третьих, мы понимаем, что Афганистан располагает полезными ископаемыми стоимостью приблизительно в 10–15 трлн долларов. Однако имея такое количество полезных ископаемых, Афганистан может либо превратиться в какую-то африканскую страну, где от добычи минералов пользу получает только 1% населения, либо в центр стабильности.

Наконец афганцы по своей природе чрезвычайно предприимчивы. Для укрепления предпринимательского духа нам нужно создать среду, способствующую этому. И в этой связи я хочу отметить наши отношения с Россией, экономическая комиссия которой посетила Афганистан в прошлом году. Мы надеемся, что между нашими государствами и нашими народами установятся более глубокие партнерские отношения. Я думаю, что мы действительно сможем стать партнерами не только с НАТО, но и с Россией. Мы не хотим, чтобы НАТО смотрело на Афганистан через

призму России, мы не хотим, чтобы Россия смотрела на нас через призму НАТО. Мы хотим, чтобы двустороннее партнерство и отношения приносили взаимную пользу.

СУПОНИНА: В начале апреля в Афганистане состоялся первый тур президентских выборов. Как и ожидалось, из-за примерно равного количества голосов, полученных основными кандидатами, понадобился второй тур, назначенный на середину июня¹.

Накануне первого тура более 80% афганцев признавались в том, что им страшно идти на участки голосования. Люди опасались террористических атак.

Таковы результаты опроса, который в начале декабря 2013 г. опубликовала международная неправительственная организация «Азиатский фонд». Она базируется в Сан-Франциско, но ее эксперты выезжали в Афганистан и выборочно опрашивали людей во всех провинциях страны.

Этот отчет показал, что на первое место среди проблем афганцы ставят отсутствие безопасности, на второе — коррупцию, на третье — безработицу и сложности трудоустройства. В афганском обществе появился запрос на перемены во власти.

Недовольство вызывают перебои с электричеством, плохие дороги или просто их отсутствие, а также другие проблемы в инфраструктуре. Показательно, что опрошенные демонстрировали низкий уровень доверия и уважения к работе парламента — всего 15%.

Важно, что одновременно афганцы очень доверяют национальной армии — такое мнение высказали 86% человек. И около 76% согласились с тем, что Афганистан в одиночку не справится со своими проблемами и что необходима международная помощь, в первую очередь гуманитарная.

Международное сообщество, однако, вряд ли сможет уделить Афганистану в предстоящие годы столько внимания, сколько он заслуживает. Потому что происходящее в Афганистане приходится рассматривать в контексте остальных мировых событий.

А общий фон негативен: мир продолжает переживать период неожиданных и глубоких потрясений, обостряются социальные противоречия, в ряде стран меняется численный и национальный состав населения, да и финансовый и экономический кризис отнюдь не закончились.

Беспорядок будет в ближайшие годы нарастать во всем мире, а к югу от России и к западу от Китая образуется даже не пояс, а широкая полоса нестабильности. И при всей его важности Афганистан — это только часть очень большой группы проблем.

Только один пример. В апреле 2014 г. судьбоносные выборы состоялись не только в Афганистане, но и в Ираке. Какой стране в 2014 г. международному сообществу придется уделять больше внимания — Афганистану или Ираку? А может быть, Сирии? Или это внимание будет распределено в соответствии с интересами каждого из игроков?

По данным ООН, в 2012 г. в Афганистане в ходе терактов и обстрелов погибло 2754 гражданских лиц. За год. А с январь по июнь 2013 г., то есть за полгода — еще 1319 граждан. То есть за год будет примерно столько же. Чтобы было понятно: в среднем в месяц, простите за сухость цифр, это где-то 220. Точных данных количества погибших гражданских лиц вместе с военными нет, обычно это примерно еще столько же или даже меньше. Итак, около 400 человек в месяц.

Вместе с тем в Ираке только в июле 2013 г. был поставлен своеобразный рекорд для этой страны за последние пять лет — 1057 убитых, по данным ООН, по инфор-

мации иракского Министерства здравоохранения, чуть меньше, но тоже почти 1000 человек за месяц.

Если в Афганистане после 2014 г. начнет реализовываться один из худших сценариев развития событий (а такие прогнозы есть), в первую очередь это будет означать увеличение, причем в десятки раз, человеческих потерь. И еще, неизбежен рост числа беженцев.

Сегодня эксперты сошлись на том, что нестабильность не только сохранится, но и усилится. Большинство экспертов прогнозирует продолжение конфликта с постепенным нарастанием его до масштабов гражданской войны.

Если это будет так, весьма вероятен и новый всплеск враждебности между религиозными и национальными общинами, что представляет опасность не только для Афганистана, но и для всего региона. Теракты в местах, где молятся мусульмане-шииты или мусульмане-сунниты, в последние два года участились в Афганистане, Пакистане, в некоторых арабских странах.

Однако, повторяюсь, на фоне других международных проблем есть основания предполагать, что внимание отдельных игроков к Афганистану, несмотря на все исходящие из этой страны угрозы, время от времени невольно будет ослабевать.

И в такой ситуации только возрастает необходимость коллективных и согласованных действий. Да, различия в позициях и интересах России, с одной стороны, и стран НАТО, с другой, по отношению к Афганистану неизбежно имеются. Но есть и общие задачи. Учитывая многие другие проблемы современной действительности, надо делать акцент на этих задачах. Иначе возрастет вероятность более неприятных и трудно предсказуемых сценариев в обстановке общей нестабильности.

ЗАСТАРЕЛАЯ ПРОБЛЕМА АФГАНСКИХ НАРКОТИКОВ

СУПОНИНА: Российские эксперты по региону Ближнего и Среднего Востока наиболее серьезной угрозой из Афганистана и сейчас, и в ближайшем будущем видят сохранение наркотрафика.

Управление ООН по наркотикам и преступности сообщает, что площади под опиумный мак в последние годы увеличиваются. Растет и число провинций, где его выращивают. Если в 2010 г. его выращивали в 14 провинциях, то в 2012 г. — в 17, а в 2013 г. — уже в 19. Причем статус свободных от маковых полей утратили, что особенно тревожно для России, две северных провинции Афганистана — Балх и Фарьяб.

Афганистан — мировой лидер (до 90%) по производству опиатов. В Россию ежегодно попадает до 80 т героина из Афганистана, что в 4 раза больше, чем в США и Канаду, вместе взятые. И здесь вполне возможно более тесное сотрудничество антинаркотических подразделений России, стран НАТО, а также соседей Афганистана — Таджикистана, Пакистана, Ирана.

Несмотря на мрачные военно-политические прогнозы, в конце скажу о том, что Россия, как и многие другие, проявляет интерес к экономическому сотрудничеству с Афганистаном. В сентябре 2013 г. в Кабуле состоялось второе заседание Российско-афганской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. Российскую делегацию возглавил заместитель министра энергетики Юрий Сентюрин.

В ходе этого заседания, кстати, россияне и афганцы обсуждали перспективу вывоза части невоенного имущества НАТО по северному маршруту. Со своей стороны российские специалисты до этого уже говорили об этом с натовскими кол-

легами в рамках Совета Россия–НАТО. Это одна из возможностей для сотрудничества между Россией и НАТО по Афганистану в 2014 г.

КАРЗАЙ: Если акцентироваться на проблеме наркотиков, мы увидим, что Афганистан не ответственен за спрос. От кого исходит этот спрос? Он исходит с улиц Парижа, Лондона и других столиц.

Мы, конечно, можем попытаться наказать крестьян, но это приведет только к сокращению 5% прибыли — основная прибыль делается за рубежом. Как мы можем бороться с ней в Афганистане? Борьба с предложением и борьба со спросом — это разные вещи.

Если мы предоставим афганскому фермеру альтернативу, эта проблема будет сохраняться. Если мы не предоставим афганскому фермеру, производящему овощи рынок, где он сможет продавать свой урожай, он будет только сводить концы с концами. Последние 13 лет афганцы жаловались на создание условий для торговли? Как насчет строительства дорог или рынков для нас? Сегодня одна из безумнейших вещей заключается в том, что из-за нехватки средств мы выращиваем овощи, которые затем отправляем в Пакистан, а затем они возвращаются в Афганистан для продажи... афганцам. Если мы создадим условия и дадим фермерам возможность выращивать шафран, овощи и фрукты, мы решим эту проблему. Просто обвиняя афганского фермера, ее не решить.

УИЛЬЯМС: Что касается наркотиков, в определенной степени я был вовлечен в британские антинаркотические усилия на юге Афганистана. Ошибочно считать, что никаких успехов в борьбе с наркотиками в Афганистане не достигнуто. Проблема более широкая — вопрос не только в спросе или предложении, но и в правовых рамках. Должны быть четко понятны юридические последствия производства наркотиков. И не надо переваливать ответственность с фермера на покупателя и обратно, иначе можно начать *играть в пинг-понг* с точки зрения ответственности.

Есть ряд бизнесменов, очевидно и значительно связанных с наркопроизводством в Афганистане, которые часто избегают реальных юридических санкций. Корень всего этого — в слабости афганской законодательной системы, в слабости правовой и правоохранительной системы, частично связанной с проблемой повстанцев. Потребуется еще ни одно десятилетие усилий, чтобы афганцы смогли справиться с этой проблемой. Однако без сильного афганского правительства ни одна из этих проблем решена не будет.

ХОРЕВ: Я согласен, что развитие альтернативных источников хозяйства для афганских фермеров — это лишь часть проблемы, но это очень важная часть. Насколько я знаю, ФСКН России очень активно работает в этом направлении: с 2010 г. совместно с американцами и афганцами проводятся антинаркотические операции. Насколько я знаю, и в 2013 г. тоже проводились подобные операции. Участие сотрудников ФСКН ограничивается предоставлением оперативной информации, они принимают участие и в качестве наблюдателя. И на столе переговоров, в том числе об укреплении взаимодействия с НАТО по антинаркотической сфере, ФСКН выработаны два предложения: создание интерактивной карты наркопосевов в Афганистане, а также предложение включать нарковладельцев земель, на которых возделываются посевы опия, в специальный список, типа черного списка талибов СБ ООН.

УКРЕПЛЕНИЕ РОЛИ ШОС И ЕС В АФГАНСКОМ УРЕГУЛИРОВАНИИ

БАРСКИЙ: Безопасность — не единственная сфера, в которой Афганистан мог бы участвовать по линии Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Мы все-

рьез задумываемся над тем, чтобы соответствующие организации Афганистана все более активно участвовали в экономических мероприятиях по линии ШОС.

6 декабря 2013 г. в Москве был подписан меморандум о создании энергетического клуба. Это неформальная площадка для обсуждения всего комплекса проблем энергетической безопасности и энергетического сотрудничества, формат, в котором будут участвовать не только государства-члены, но и практически на равноправной основе и государства-наблюдатели, и партнеры по диалогу. И надо сказать, что Афганистан одним из первых поддержал эту инициативу и подписал соответствующий меморандум.

Значимое направление — масштабное содействие государствами — членами ШОС правительству Афганистана. Эта работа идет по двусторонней линии, но у ШОС есть все возможности для координации своих усилий в этом направлении. Чем полезен формат ШОС в плане многостороннего сотрудничества по Афганистану? Я бы выделил несколько моментов. *Во-первых*, в ШОС присутствуют ведущие региональные державы. Это то самое региональное сообщество, в которое Афганистан, по заявлению его руководителей, хотел бы вернуться, войти, работать в нем.

Активным участником ШОС является Китай, и это принципиально важный момент. У Китая по Афганистану очень позитивная и активная позиция. Китай убежден в том, что региональными делами прежде всего должны заниматься региональные организации, и в данном случае Китай при обсуждении проблематики ШОС в контексте региональной безопасности предложил целую программу действий, которое предусматривает усиление обмена информацией, подготовку кадров, оказание скоординированного экономического содействия по Афганистану, приглашение афганцев к участию в учениях по линии ШОС, налаживание взаимодействий по укреплению границ, наращивание сотрудничества с Афганистаном в таких областях, как сельское хозяйство, энергетика, инфраструктурное строительство, транспорт, оказание помощи становлению развития систем образования, здравоохранения и т.д. Другими словами, Китай не только много делает в отношении Афганистана, но и предлагает укреплять многостороннее сотрудничество прежде всего по линии ШОС.

Второй момент, которой мне представляется очень любопытным: государства-наблюдатели при ШОС, как вы знаете, их пять, — это ведущие региональные державы, которые так или иначе вовлечены в афганское урегулирование и заинтересованы в скорейшем урегулировании проблемы Афганистана. Это Индия, Пакистан, Иран. Так вот, эти ведущие государства-наблюдатели при ШОС однозначно высказываются за активизацию деятельности ШОС на афганском направлении. Мы знаем, что между этими странами существует определенное различие и в подходах, и в интересах в контексте Афганистана, но именно в рамках ШОС, как представляется, эти государства могли бы найти общий язык и действовать сообща.

Что касается экономики, здесь совершенно очевидна заинтересованность всех этих стран в создании транспортных коридоров север–юг, в реализации энергетических проектов и т.д.

Третий момент, о котором я хотел бы сказать: привлекательность площадки ШОС заключается в ее неконфликтности и в определенном опыте, который она уже накопила при развитии регионального сотрудничества по вопросам безопасности, в частности по Афганистану. Хотел бы напомнить, что в марте 2009 г. под эгидой ШОС, в которой Россия председательствовала, была проведена большая международная спецконференция по Афганистану.

В этой конференции тогда приняли участие 36 делегаций, в том числе делегации достаточно высокого уровня, делегации международных организаций: присут-

ствовали генеральный секретарь ООН, делегация НАТО во главе с заместителем генерального секретаря, делегация Европейского союза. Конференция была очень интересной, удачной, этот опыт можно продолжить. Любопытно, что на этой площадке хорошо взаимодействовали между собой делегации ОДКБ и НАТО. Была принята декларация участников конференции, заявлений государств — членов ШОС и план действий по Афганистану. Государства — члены ШОС, как вы знаете, активно участвуют и в региональном сотрудничестве по Афганистану, в других форматах, в частности в Стамбульском процессе, являются участниками Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и т.д. Таким образом, ШОС открыто и для приглашения на свою площадку других стран региона, и они активно к этому стремятся.

КОЗЮЛИН: Как ни крути, государства — члены ШОС — все соседи Афганистана, и очень влиятельные, и заинтересованные соседи, т.е. это идеальная площадка для обсуждения региональных проблем и проблем Афганистана. Пока, мне кажется, ШОС себя не проявил, пока ШОС только примеривается, наблюдает, как завершается старый сценарий. Но я думаю, что он уже готов предложить что-то новое. Чтобы я тут отметил: это то, что соседи Афганистана — страны ШОС не очень заинтересованы в присутствии США в этом регионе, т.е. сценарий уже предполагается отличный и состав участников другой. В этом коренится проблема, в том числе, отсутствия хорошего результата.

УШАЦКАС: Я хотел бы поделиться своим трехлетним опытом работы в Афганистане, рассказать о Европейском союзе, определить стоящие перед ним задачи и дать скромные рекомендации.

Во-первых, что делает Европейский союз в Афганистане? Безусловный интерес европейцев состоит в том, чтобы Афганистан не стал убежищем для террористов, чтобы в нем установились мир и стабильность. *Во-вторых*, наши цели в Афганистане, как и во многих других странах мира, — способствовать надлежащему управлению, поощрять уважение прав человека, особенно прав женщин, и строить демократические институты с надлежащими сдержками и противовесами. *И последнее*, но не менее значимое. Будучи крупнейшим донором в мире, ЕС находится в Афганистане, чтобы помочь искоренить бедность в стране. Имейте в виду, что страна остается одной из беднейших стран в мире — 42% населения живут за чертой бедности. И отстаивая свои интересы в Афганистане, мы работаем с США, НАТО и другими основными игроками в регионе.

Мы используем следующие инструменты: что касается помощи в целях развития, ЕС обязался поддержать Афганистан, предоставляя 1 млрд евро ежегодно. Около 300 млн евро идет из общего бюджета ЕС, а остальная сумма поступает от государств — членов ЕС.

Мы также способствуем развитию сектора безопасности Афганистана. ЕС помогает развитию национальной полиции через финансирование, а также через полицейскую миссию ЕС в Афганистане. Последнее, но не менее важное, мы работаем по региональным вопросам со многими странами, особенно соседними, и являемся одним из крупнейших сторонников Стамбульского процесса «Сердце Азии»².

Я хочу отметить, что прогресс, который страна достигла, поистине огромен. Видно, как происходят позитивные изменения, однако эти изменения все еще хрупки и обратимы. Эти изменения требуют постоянного лидерства самих афганцев, но они не справятся самостоятельно, без финансовой, профессиональной и политической поддержки в сферах безопасности, экономики и политического устройства.

В прошлом году 65% населения имели доступ к основам здравоохранения, сравнимая с 2002 г. — таких было только 9%. Другой пример — это свободные СМИ, очень агрессивные, активные, свободные СМИ Афганистана. Телевизионные

станции по-прежнему контролируются государством, но в то же время есть яркие свободные СМИ, которые проводят проверку реальных сдержек и противовесов в обществе.

Что касается права женщин, несмотря на сохраняющиеся серьезные проблемы, был достигнут существенный прогресс: расширилось политическое представительство женщин, их участие в экономической жизни, а более 2,5 млн девочек стали посещающих школу.

Я помню в свой приезд в Кабул четыре года назад. Я ехал по жутким ухабистым дорогам, теперь на их месте асфальтированные дороги. Всего было создано более 8000 километров автомобильных и коммерческих дорог. Доступ к каждому городу увеличился более чем на 250%. Афганистан сидит не только на золотом руднике, он сидит на всей таблице элементов Менделеева, от редких металлов и драгоценных камней до нефти и газа.

Страна нуждается в зарубежном опыте и поддержке. Совместно были установлены определенные правила, которые важно знать и соблюдать. Прежде всего на саммите в Чикаго в мае 2012 г. была представлена *дорожная карта* по взаимодействию государств — членов НАТО с обязательством выделить более 4 млрд долларов Афганистану в ближайшие несколько лет. И на Токийской конференции, в которой я был горд принять участие и быть частью серьезных решений, международное сообщество подтвердило взятые на себя обязательства.

Мы, как Европейский союз, стремимся к долгосрочной помощи Афганистану. Наши обязательства — долгосрочное сохранение текущих расходов на уровне 1 млрд евро в течение переходного периода, который представляет исключительную поддержку. И Афганистан это второй по величине получатель международной помощи от стран ЕС после Палестины. Мы приветствуем интерес России более активно оказывать поддержку Афганистану. Мы хотели бы работать с вами, чтобы помочь мерам доверия группы по борьбе с терроризмом процесса «Сердце Азии». Мы ищем других партнеров по созданию альтернативных источников финансирования, укрепления институтов по борьбе с наркотиками и региональных корпораций.

Во-вторых, мы приветствуем поддержку со стороны России и других стран, таких как Китай, который объявил о большой помощи Афганистану. Впервые в истории китайских отношений предоставлено 80 млн долларов на поддержку Афганистана.

Мы начали консультации с Китаем о том, как можно объединить наши усилия. Мы провели брифинг в ЕС с участием китайского, индийского и российского послов по укреплению и развитию профессиональных навыков афганской национальной полиции. Не в последнюю очередь именно региональный аспект имеет отношение к формированию миру и примирению. Очень важно, что Пакистан поддерживает создание более благоприятных условий для мира и примирения. Важно, что и другие страны используют свои политические активы и каналы информации для поощрения руководства талибов сесть за стол переговоров.

ОРЛОВ: Мой комментарий связан с международным механизмом, который сегодня пока не прозвучал, он называется «Глобальное партнерство против распространения оружия массового уничтожения». Он был создан в рамках саммита *большой восьмерки* в Канаде в 2002 г. И был продлен до 2022 г. Помимо государств *восьмерки* туда входят и другие государства. Страны глобального партнерства были ориентированы на Россию как на реципиента. За последние два-три года ситуация изменилась. Сейчас мы находимся в ситуации, когда количество реципиентов увеличивается. Россия из статуса реципиента переходит в статус донора.

Одним из перспективных направлений Глобального партнерства является регион Центральной Азии и страны, примкнувшие к нему. В этом случае Афганистан, безусловно, подпадает в число этих приоритетов. Понятно, что в Афганистане нет ни ядерного оружия, ни материалов для его производства. Сейчас не об этом. Мы говорим о субъекте, связанном со второй линией защиты. С таможенными и пограничными рубежами — их оборудованием системами, которые предотвращали бы незаконный оборот ядерных радиоактивных и других чувствительных материалов. Причем как по линии юг–север, так и по линии север–юг. Этот вопрос уже достаточно давно возник, теперь пришло время решать вместе с ним и другие сопредельные вопросы — вопрос о тренинге, о подготовке афганского персонала. Существует проблема неграмотности персонала — перемещение ядерных материалов требует совершенно другого уровня квалификации. Это слишком чувствительный регион. Рядом с ним Пакистан и другие опасные государства, где находятся ядерные материалы. Важно, чтобы это нашло должное отражение в документах Глобального партнерства.

БАРСКИЙ: Вряд ли следует ожидать от государств — членов ШОС, чтобы они брали на себя ответственность за поддержание безопасности внутри Афганистана. Это однозначно. Однако различные государства ШОС совершенно по-разному видят варианты многостороннего сотрудничества по Афганистану.

Скажем, Узбекистан предпочитает вести диалог по афганским делам и оказывать содействие Афганистану только по двухсторонней линии, хотя он не отстраняется от консультаций. У других государств — членов ШОС подходы более проактивные. Но мы — организация, которая действует на основе консенсуса, и я думаю, что этот консенсус по мере развития ситуации в Афганистане, по мере взросления самой ШОС будет формироваться в правильном направлении.

Я очень рассчитываю, что с предоставлением статуса наблюдателя Афганистану афганские коллеги будут участвовать в совещании министров экономики, министров транспорта, в заседаниях рабочих групп.

Очень интересную идею высказали о подготовке кадров для таможенной службы Афганистана. Это очень важная тема. В рамках ШОС есть соответствующие механизмы, уже запущенные. Теперь у Афганистана есть основания, чтобы участвовать в этом сотрудничестве. Пожалуйста, это площадка, чтобы обеспечивать участие Афганистана в деятельности нашей организации.

ПОЧЕМУ НЕ СЛУЧИЛОСЬ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И НАТО

БУЖИНСКИЙ: Мне кажется, не все возможности мы используем на практике для реального международного сотрудничества. К сожалению, за десять лет ОДКБ так и не достучалось до НАТО как до партнера, что важно, так как коллективные силы уходят из Афганистана, а ОДКБ — региональная организация, которая включает государства — соседей Афганистана. Это упущенные возможности.

ВАСИЛЬЕВ: В 2000 г. я работал в российском постпредстве в Нью-Йорке. Одной из наших целей было убедить мировое сообщество ввести эмбарго, чтобы положить конец поставкам оружия талибам. Этим вопросам я как раз и занимался. Как и в случае с НАТО, в ответ была глухая стена непонимания. Зачем вводить эмбарго на поставки талибам? Почему нужно это делать в одностороннем порядке? Но разум возобладал — это произошло в самом конце августа 2001 г. А через несколько дней настало 11 сентября. Ситуация радикально изменилась. Коллеги, которые еще недавно противились обсуждать любые ограничения в отношении *Талибан*, пришли с совершенно другими планами — развертывание операций и прочее. Эту информацию я передавал в Комитет по санкциям в отношении движения талибов. Российская делегация делилась своими знаниями о лагерях подготовки террори-

стов на территории Афганистана, минных полях и прочее. Эта информация была очень востребована, когда войска союзников входили в Афганистан.

Действительно если брать всю территорию Афганистана, ни для кого не секрет, что для ОДКБ интерес представляя приграничные районы — северные территории Афганистана, провинции, которые граничат со странами ОДКБ. Если посмотреть на ситуацию в этих районах, мы зафиксируем, по разным данным, от 5000 до 7000 экстремистов. К власти на местном и региональном уровнях приходят люди, связанные с экстремистами.

Мы видим увеличение числа смертников, что, естественно, сказывается на увеличении провокаций и инцидентов на таджикско-афганской границе. Все это стало поводом для направления экспертной миссии ОДКБ, в которую входили представители секретариата ОДКБ и представители государств-членов, которая оценивала сложившуюся ситуацию. По итогам работам комиссии, было подготовлено решение ОДКБ об укреплении таджикско-афганской границы для помощи Таджикистану. Оно предусматривает два основных положения: оказание неотложной помощи в трехмесячный период, а также запуск целевой программы помощи Таджикистану. Речь идет о помощи в 1 млрд рублей. Вы можете себе представить объем этой помощи и поставляемых вооружений. Фактически речь идет о восстановлении всей пограничной инфраструктуры, утерянной в последние годы на таджикско-афганской границе.

Безусловно, если и другие силы и средства. Коллективные силы оперативного реагирования в рамках ОДКБ в случае обострения конфликта могут быть развернуты в этом регионе. Осуществляется ряд конкретных операций, в частности по борьбе с наркоугрозой.

Стоит упомянуть операцию *Канал*, которая проводится антинаркотическими службами ОДКБ с привлечением других государств, в том числе стран ШОС. В последних заседаниях принимали участие представители Афганистана. Иными словами, принимается вполне логичный и конкретный набор мер, чтобы обеспечить безопасность южных рубежей ОДКБ. Речь не идет о создании санитарного кордона на границе ОДКБ и Афганистана. Мы рассматриваем Афганистан как партнера для диалога и взаимодействия. Поэтому вопросы, связанные с оборотом наркотиков, терроризмом — это наша общая беда и проблема. Мы готовы к тесному взаимодействию с афганской стороной при решении этих вопросов. Помимо антинаркотического, антивоенного трека в рамках ОДКБ существует достаточно мощный политический трек. Кирилл Барский уже упоминал рабочую группу ОДКБ по Афганистану, которая регулярно встречается. Мы обсуждаем широкий круг проблем, начиная с ситуации в Афганистане и заканчивая помощью при транзите грузов международных сил содействия и безопасности в Афганистане.

Есть площадка взаимодействия ОДКБ с ЕврАзЭС, ШОС и СНГ. Есть тесное взаимодействие с ООН, налажены контакты как со специальными представителями Генерального Секретаря ООН, так и с региональным центром по превентивной дипломатии в Центральной Азии. Недавно появились контакты в рамках ОБСЕ, в частности проект, который реализуется ОБСЕ в пограничном колледже ОБСЕ в Душанбе. ОДКБ открыта к широкому сотрудничеству со всеми организациями, понимая разницу задач и различия в наших подходах к каким-то аспектам и вещам, тем не менее мы открыты в тех областях, в которых такое сотрудничество возможно. В ходе предыдущей сессии поднимался вопрос о взаимодействии России и НАТО — 10-летнее *стучание головой о дверь*.

В качестве последнего примера приведу заявление, принятое на совещании ОДКБ в апреле 2012 г., где в очередной раз предлагалось такое сотрудничество и взаимодействие с НАТО. Цитирую: «Мы предлагаем взаимодействие с НАТО по вопросам международного терроризма и наркотрафика, помощь в восстанов-

лении стабильности в Афганистане, в частности в предотвращении исходящих с территории этой страны вызовов и угроз при обеспечении транзита для нужд ММСЗСБ в соответствии с резолюцией ООН 1386, подготовке кадров и оснащение афганских силовых структур». Повторяю, мы к такому взаимодействию открыты, но опять же ОДКБ — самодосточная организация, у нас есть свои цели, задачи и ресурсы. Мы так или иначе будем осуществлять свои программы для Афганистана, принятые в рамках ОДКБ. Мы надеемся, что о факторе 2014 г., о котором сейчас мы отзываемся пессимистично, через пару-тройку заговоров в более оптимистических тонах.

УИЛЬЯМС: Каждый раз, когда я приезжаю в Москву, мне задают вопрос о сотрудничестве с ОДКБ. НАТО, как я уже сказал в начале, находится в Афганистане по мандату ООН, и мы действуем в его рамках. ОДКБ — организация, которая находится в развитии и имеет огромный потенциал. Это региональная организация. Но НАТО как организация, структурно не намерено быть региональным игроком в Центральной Азии за то время, что необходимо для выполнения нашей миссии и мандата ООН в отношении Афганистана. Лично я не видел ничего значимого в предлагаемом сотрудничестве с ОДКБ. Если бы существовали хорошо разработанные предложения, мы могли бы обсудить их в рамках Совета Россия–НАТО. Мы никогда не делали каких-либо заявлений о необходимости сотрудничества НАТО и ОДКБ. Это эмбриональная организация. Это давление на сотрудничество с ОДКБ я принимаю к сведению. Но я не понимаю, что может принести нам ОДКБ в своем зачаточном состоянии. Вы упоминали вопрос о транзитных соглашениях, но все государства, которые пришли к подобному соглашению с НАТО, хотели вести переговоры на двусторонней основе. И у нас есть эти соглашения.

ВАСИЛЬЕВ: Тем не менее один из возможных вопросов диалога между ОДКБ и НАТО — вопрос транзита. Почему? Потому что было бы странно, если бы Россия разворачивала какую-то свою группировку на территории государств НАТО.

Такая ситуация возникла на базе *Манас* в Киргизии. И соответственно встал вопрос, как может происходить такая ситуация, когда не коммерческая структура, а именно военная группировка развернута на территории аэропорта, который используется членом договора о коллективной безопасности. В результате, как вы знаете, *Манас* — база для транзита грузов НАТО и международных сил содействия безопасности в Афганистане, будет закрыт, чтобы избежать таких ситуаций, чтобы обозначать наиболее удобные зоны транзита, которые были бы приемлемы не только для НАТО. В данном случае речь идет не только о поставках НАТО, речь идет о поставках для международных сил содействия безопасности, а там действуют не только натовские группировки. Чтобы решать эти вопросы, мы предлагаем сотрудничество. Такое сотрудничество мы осуществляем не только с НАТО, но и с ОБСЕ. Хотите сотрудничать, хотите разговаривать, пожалуйста. Не хотите — ваш выбор.

ОРЛОВ: Сегодня много аббревиатур прозвучало, и я думаю к этим аббревиатурам — ШОС, ОДКБ, СНГ — нельзя не добавить еще одну — БРИКС, который, казалось бы, звучит не вполне очевидно. БРИКС — гораздо в меньшей степени организация в области безопасности, скорее она внешнеэкономическая. Но надо иметь в виду, что повестка дня БРИКС в области мира и безопасности набирает вес. Мне приходилось участвовать в мероприятии по подготовке двух последних саммитов БРИКС с точки зрения научно-аналитического обеспечения. Тема Афганистана в корзине мира и безопасности БРИКС занимает все более значимое место. Может, меньше для Бразилии и Южной Африки, зато с точки зрения трех из пяти участников БРИКС — Индии, Китая и России, мы, безусловно, можем многое сделать через БРИКС в помощь и во благо Афганистану.

Проект ПИР-Центра
**«Безопасность Центральной
Азии и Россия»**

- Ядерная безопасность
- Терроризм и наркотрафик
- Военно-техническое сотрудничество
- Афганское урегулирование

www.pircenter.org/projects/

КОЗЮЛИН: Я бы хотел отметить атмосферу равнодушия, которая на протяжении всех этих часов царил в нашем зале. Все переживают за судьбу Афганистана, и, конечно, остается чувство неудовлетворенности от того, что мы сегодня реально не выложили на стол всю богатую коллекцию предложений. Но мы были близки к этому.

Один сценарий сегодня заканчивается в Афганистане. Этот сценарий, если говорить утрированно, был написан в Соединенных Штатах. Он исполнялся в течение нескольких лет, и вот он заканчивается. Или уже закончился. Дальше — совсем иные сценарии. И уже совсем скоро придет время анализировать их. 🐼

Примечания

¹ Во втором туре за пост президента Афганистана борются два кандидата — это бывший глава МИД страны Абдулла Абдулла и бывший министр финансов Ашраф Гани Ахмадзай. В первом туре, прошедшем 5 апреля, они набрали 45% и 31,6% голосов соответственно. Согласно предварительным итогам, объявленным 7 июля 2014 г. Независимой избирательной комиссией Афганистана, во втором туре президентских выборов в Афганистане, который состоялся 14 июня, победу одержал бывший министр финансов Ашраф Гани Ахмадзай, набравший 56,44% голосов. Его соперник — бывший глава МИД Абдулла Абдулла — получил 43,56% голосов. Официальные итоги будут объявлены 22 июля 2014 г.

² Стамбульский процесс по Афганистану был запущен по итогам проведения в 2011 г. в Турции на Международной конференции по Афганистану на уровне министров иностранных дел стран так называемого формата «Сердце Азии». Стамбульский процесс направлен на продвижение политического диалога между заинтересованными странами с целью вовлечения Афганистана в политическую и экономическую жизнь региона.